

Дух или ветер веет, где хочет?

Тема заметки непосредственно связана с выводами моей статьи «Три равно четверем (зачем крутится ветер в притче царя Соломона и в строфе Пушкина?)»¹, замысел которой первоначально был другим. Мне хотелось связать в один разговор *два* возможных библейских источника строфы XIII неоконченной пушкинской поэмы, печатающейся под названием «<Езерский>» (1833) (переработка строфы из поэмы с другим вариантом финала, по-видимому, предназначалась для импровизации итальянца в повести «Египетские ночи» (1835)), а успел я кратко охарактеризовать только один.

Отрывок из «<Езерского>» представляет собой одно из высших проявлений гения поэта, вне зависимости от того, отдельным произведением или частью другого, более обширного, замысла он является:

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет.

(V, 102)

¹ См.: Библиеистика — славистика — русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библиеистики А. А. Алексева. СПб., 2011. С. 46–49.

Один из источников этого фрагмента еще в 1991 г. был отмечен А. В. Ильичевым:

Представляется, однако, возможным говорить о более конкретном источнике – Ветхом Завете, в котором обнаруживаются несколько текстов, имеющих отношение к пушкинскому стихотворению. Во-первых, это отрывок из Книги Притч царя Соломона «Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: Пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице» (Притч 30, 18–19), где обнаруживаются не только образный параллелизм, близкий пушкинскому стихотворению, но и композиционное сходство.¹

Мне хотелось дать свое объяснение этой очевидной связи обоих текстов, но, главное, попытаться доказать, что пушкинский отрывок имеет также отношение к знаменитому восьмому стиху третьей главы Евангелия от Иоанна, однако этой теме я тогда не коснулся.

Следует отметить, что Пушкин устранил «необязательное» звено — змея, наименее необходимое в триаде, последовательно подключающей разные уровни слепой стихии, не признающей никаких законов: неодушевленный мир — одушевленный мир — человек². Вместе с тем, сохраняя символику корабля, связанную с вводимой им темой непостижимости воли Поэта³, Пушкин переносит центр тяжести на символику ветра, своенравной и еще более непостижимой воле которого корабль и подчиняется.

При этом может показаться, что поэт устраняет также знаменитый прием цифровых притч, числовых высказываний, привлекающий к себе внимание и именно в Книге Притч царя Соломона нашедший свое классическое воплощение⁴. Речь идет о приеме так называемого ступенчатого параллелизма, в котором число используется как художественный

¹ Ильичев А. «Зачем крутится ветер в овраге...»: Источники, поэтика, концепция поэта и поэзии // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1991. Вып. 24. С. 146.

² См.: Эткинд Е. Г. Разговор о стихах // Эткинд Е. Г. Проза о стихах. СПб., 2001. С. 54–55.

³ О связи символики корабля с темой непостижимости воли Поэта см.: *Панерный В.* Мудрость Пушкина (Пушкин и библейская «литература мудрости») // *Slavia Orientalis*. 1997. Т. 46, № 3. С. 385–386.

⁴ Ср.: «Вот три ненасытимых, и четыре, которые не скажут: “довольно!” Преисподняя и утроба бесплодная, земля, которая не насыщается водою, и огонь, не говорит: “довольно!”» (Прит 30: 15–16); «От трех трясется земля, четырех она не может носить: раба, когда он делается царем; глупого, когда он досыта ест хлеб; позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей» (Прит 30: 21–23); «Вот трое имеют стройную походку, и четверо стройно выступают: лев, силач между зверями, не постыдится ни перед кем; конь и козел, [предводитель стада,] и царь среди народа своего» (Прит 30: 29–31).

фактор, элемент симметрии и гармонии¹. Этот прием, задевающий и раздражающий рациональное сознание, равно как и библейская «литература мудрости» в целом, удостоился пространного язвительного комментария Вольтера в его знаменитом «Философском словаре», хорошо известного Пушкину: «Приписываемые перу Соломона книги оказались долговечнее построенного им храма. Быть может, это лучшее подтверждение всевластия предрассудков и беспомощности человеческого разума. Само имя их творца обеспечило им уважение: они хороши, ибо написаны царем, а царь этот прослыл самым мудрым из людей. Первая из приписываемых ему книг — “Притчи”. Это собрание тривиальных, примитивных, сумбурных изречений, бессвязных и бессмысленных»². В качестве примера Вольтер приводит именно те цифровые притчи, которые привлекли внимание Пушкина.

В представлении о непостижимости законов природы, веры и любви Пушкин внес то, чем мог обогатить вечные библейские истины век XIX — выстраданное им убеждение в непостижимости законов поэзии. Правда, произойти это должно было лишь в конце столетия, но Пушкин, как и во многом другом, оказался здесь предвозвестником. Тем более замечательно, что идея непостижимости, невыразимости, иррациональности всего сущего выражена именно Пушкиным, с присущими ему ясностью, полнотой, гармоничностью, изяществом.

В пушкинском отрывке прием цифровых притч, применяемый в Библии для описания и обоснования непостижимого, получил максимально законченное художественное воплощение, абсолютно отличное от алогической «открытости» библейского стиха. В предшествующем пушкинскому шедевре библейской «литературы мудрости» ставится предел человеческим попыткам понять природу мироздания — непостижимое возносится цифровой абсурдностью, не позволяющей проникнуть в тайны посвященных. В числовой символической Библии — один, три, четыре, семь, десять, двенадцать — место «четырех» не менее почетно, чем любое иное. Между тем «четыре» — это сакральное число «один», прибавленное к сакральному числу «три». Если попытаться в цифровом коде притчи найти какой-то иной смысл, все немедленно обесмысливается.

Пушкин, сохраняя замечательный прием цифровых притч, чисел не называет. При этом он дополняет, обогащает, если угодно, «Эвклидову арифметику» (не геометрию) «арифметикой Лобачевского»: «три» называется равно «четырем». Обе арифметики равноценны и равноправны.

¹ См.: Соджин Дж. А. Долитературная стадия библейской традиции. Жанры // Библейские исследования. М., 1997. С. 90.

² Voltaire: Dictionnaire philosophique. Paris, 1967. P. 379.

«Ветру и орлу и сердцу девы нет закона» (три). «Таков и ты, поэт, и для тебя условий нет» (четыре). При этом «четыре» не опровергает «три», а является абсолютно не обязательным ни для кого обобщением, имеющим смысл лишь для поэтов. Именно поэзия является обобщением, поскольку именно она покоряет современного читателя в библейской притче, а в пушкинской строфе — «поэзия свободы», в чем бы она ни проявлялась — «в неодушевленной природе, в звере или в человеческом духе», «гимн беззаконной стихии», как его восторженно характеризуют М. О. Гершензон¹ и Б. П. Вышеславцев².

Что же касается второго стиха, из Евангелия от Иоанна, то о нем вспомнил в связи с пушкинской строфой С. Г. Бочаров:

Пушкинисты недаром обращаются к этой богословской теме: она имеет близкое отношение к теории творчества и к пониманию Пушкина, который и сам ведь высказывался на языке своей поэзии на эту тему («Зачем крутится ветер в овраге?...» — что это как не пушкинское переложение своевольно-парадоксальной евангельской максимы «Дух дышит, где хочет», которая, начиная с лютеровской Библии, как и в новых русских переводах о. Кассиана Безобразова и В. Н. Кузнецовой, переводится и как «Ветер веет, где хочет»: «Таков поэт: как Аквилон, / Что хочет, то и носит он»)³.

В синодальном переводе весь восьмой стих третьей главы Евангелия от Иоанна звучит так: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин 3:8). По этому же пути пошел и Жуковский, осуществивший свой перевод Нового Завета в 1844–1845 гг., — интересующий нас стих у него звучит так: «Дух, где хочет, дышит, и глас его слышишь, но от куда приходит и (куда) идет, не ведаешь: так и со всяким рожденным от Духа»⁴.

В греческом языке одно и то же слово «πνεῦμα» значит и «ветер», и «дух». Еврейское «руах» также означает либо «ветер», либо «дух», в зависимости от контекста. Более того, и в церковнославянском слово «дух» означает и «дух», и «ветер»⁵. Действие духа так же невидимо и таинственно, как дуновение и воздействие ветра. Е. Г. Эткинд пронизательно заметил, что у Пушкина ветер одушевлен, персонифицирован, его порывы

¹ См.: Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. Томск, 1997. С. 2–23.

² См.: Вышеславцев В. П. Вольность Пушкина: (Индивидуальная свобода) // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 398–399.

³ См.: Бочаров С. Г. О чтении Пушкина // Новый мир. 1994. № 6. С. 244.

⁴ Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В. А. Жуковского. СПб., 2008. С. 135.

⁵ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Т. 4. С. 379.

названы «дыханием»¹. Вспомним, что дух (он же — ветер) «дышит» в большинстве русских переводов интересующего нас евангельского стиха.

В греческом оригинале перед нами своеобразная игра слов, которую трудно передать в большинстве современных европейских языков. Наречие «так» со всей определенностью показывает, что во второй части стиха речь идет не о том духе (ветре), что в первой части, а о Духе Божием. Тем самым переводчики на современные европейские языки, не имея возможности сохранить игру слов, либо сохраняли метафору, используя оба слова («ветер», «дух»), либо сохраняли одно слово («дух»), но теряли метафору. «Вульгата», с которой в основном переводили на романские языки, предлагает «дух», правда, в каноническом испанском переводе сохраняется метафора — «ветер» и «дух». В английской Библии короля Иакова и в некоторых немецких переводах мы также находим два слова: «ветер» и «дух».

В тексте Нового Завета, во французском переводе, сохранившемся в личной библиотеке Пушкина, мы, естественно, обнаруживаем повторение слова «l'esprit»². Однако не следует забывать, что во всех толкованиях этого знаменитого евангельского стиха внимание читателя привлекается прежде всего к тому, что греческое слово «пнеума» означает одновременно и ветер, и дух и что эту игру слов и смыслов невозможно передать в переводе. Пушкину все это было известно. Кстати, в сербском переводе Нового Завета, который также был у Пушкина, читаем: «Ветр дыше, где хоть; ты глас негов чуешь, а не знаешь, откуда долази, и куда иде. Тако е свакий человек рожденный от Духа»³.

В притче царя Соломона задается вопрос, выражается недоумение («Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю» — Прит 30: 18). В пушкинских стихах дается ответ: «Гордись: таков и ты поэт, / И для тебя условий нет» (V, 102); «Таков поэт: как Аквилон, / Что хочет, то и носит он» (VIII, 269). Поэт, как нам кажется, сделал этот вывод, опираясь на метафору, заключенную в Евангелии от Иоанна: «Дух (ветер) дышит (веет), где хочет». Действию ветра подобно действие Духа Божия на человека, которое невидимо, но неоспоримо. Именно в этом смысле: «Таков и ты, поэт».

Любопытно, что, если учесть оба возможных библейских источника пушкинской строфы, мы благодаря Пушкину находим ответ и на загадку цифровых притч. «Два» вполне может быть равно «одному»: Дух — это и дух, и ветер. Ветер — это и ветер, и дух. «Поэт», не являясь «ветром», подобен «ветру» и должен этим гордиться. Помимо прочего Пушкин открыл нам, что «два» (дух и ветер) равно «одному» — Поэту.

© Багно В. Е., 2017

¹ Эткинд Е. Г. Разговор о стихах. С. 55.

² Le Nouveau Testament, selon la Vulgate. SPb., 1815. P. 117.

³ Новый Завет Господа Нашего Иисуса Христа. СПб., 1824. С. 221.

Пушкин и другие (двадцать лет спустя)

Сборник статей к 80-летию
Сергея Александровича Фомичева

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П91

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Составители С. В. Денисенко и Н. Л. Дмитриева
Научные редакторы М. Н. Виролайнен и С. Б. Федотова

Вic: DSB
Bisac: LIT004240

Pushkin and the Others (Twenty Years After): Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev

Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev contains articles of Fomichev's successors including his former postgraduates, members of the Pushkinsky Seminar he held with V. E. Vatsuro, Pushkin Studies Department staff educated and developed under the guidance of Mr. Fomichev and just junior associates constantly consulted with him.

П91 **Пушкин** и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 471 с. — (Серия «Lyceum»).

ISBN 978-5-521-00671-7

В сборник статей, посвященный 80-летию Сергея Александровича Фомичева, вошли статьи его коллег и исследователей, считающих себя учениками Сергея Александровича. Среди них его бывшие аспиранты, участники Пушкинского семинара, который он вел несколько лет вместе с В. Э. Вацуру, сотрудники Отдела пушкиноведения, выросшие и сформировавшиеся под его руководством, просто младшие коллеги, постоянно пользовавшиеся его советами и консультациями.

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Денисенко С. В., Дмитриева Н. М.,
составление, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00671-7